

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О ПРОБЛЕМАХ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ КИТАЯ

(К выходу в свет книги «Новейшая история Китая. 1917 — 1970 гг.»)

Член-корреспондент АН СССР С. Л. Тихвинский

Коллектив китаеведов-историков из Института Дальнего Востока АН СССР в составе В. И. Глунина, А. М. Григорьева, К. В. Кукушкина и В. Н. Никифорова написал интересную книгу, посвященную истории национально-освободительной борьбы китайского народа в послеоктябрьский период, а также истории восстановления народного хозяйства и начала строительства социализма в Китайской Народной Республике¹.

«Новейшая история Китая» — первый опыт создания монографического труда по этому важнейшему периоду истории соседней с нами страны. Актуальность работы объясняется тем, что ни в советской, ни в зарубежной историографии пока еще нет подобного рода исследований. Книга повествует о ярких событиях революционной борьбы китайского народа, который под водительством Коммунистической партии Китая в 1949 г. сверг прогнивший гоминьдановский режим и провозгласил Китайскую Народную Республику. На всех этапах национально-освободительной борьбы китайского народа она пользовалась горячими симпатиями и неизменной поддержкой со стороны Коммунистической партии Советского Союза и широких масс трудящихся Страны Советов, а также мирового коммунистического и рабочего движения. Материалы книги неопровержимо свидетельствуют о том, что во всех случаях, когда борьба китайского народа за свое освобождение и строительство новой жизни проходила в единстве и сплочении с Советским Союзом, он неизменно достигал больших и решающих успехов.

Авторы монографии подразделяют новейшую историю Китая на следующие периоды: 1) 1917—1924 гг. — подъем национально-освободительного движения; 2) 1925—1927 гг. — национальная революция; 3) 1928—1937 гг. — революционная борьба под лозунгом Советов; 4) 1937—1945 гг. — национально-освободительная война против японского империализма; 5) 1946—1949 гг. — Народно-освободительная война и победа народной революции; 6) 1949—1957 гг. — переход Китая на путь социалистического развития; 7) 1958—1964 гг. — годы «большого скачка» и ликвидации его последствий; 8) 1965—1969 гг. В пространным введении, озаглавленном «Китай в начале эпохи империализма», содержится изложение ряда исторических событий кануна новейшей истории Китая. В кратком заключении анализируются основные тенденции развития внутренней и внешней политики КНР после IX съезда КПК до сентября 1971 года. Структурно книга может быть разделена на две равновеликих по объему части: первая, охватывающая период с 1917 до 1949 г., и вторая, посвященная истории Китайской Народной Республики (1949—

¹ «Новейшая история Китая. 1917—1970 гг.». Редакционная коллегия: Г. В. Астафьев, В. Н. Никифоров, М. И. Сладковский (ответственный редактор). М. Изд-во «Мысль». 1972. 437 стр. Тираж 17 500. Цена 2 руб. 09 коп.

1970 г.). Книга снабжена библиографией работ по новейшей истории Китая на русском языке, изданных главным образом в Советском Союзе, и именным указателем.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, знаменовавшая собой рождение новой исторической эпохи в жизни человечества — эпохи перехода от капитализма к социализму, оказала огромное влияние на судьбы китайской революции. Как и во многих других странах мира, под воздействием Октября в Китае начался мощный подъем национально-освободительного движения. Объективными предпосылками для него был ускоренный рост китайского капитализма в годы первой мировой войны и усиленное наступление на Китай иностранного монополистического капитала после окончания войны, проходившее на фоне общего обострения межимпериалистических противоречий. Октябрьская революция дала мощный толчок антиимпериалистическому и антифеодальному движению, побудила китайских революционеров-демократов, которых возглавлял доктор Сунь Ят-сен, пересмотреть прежние представления об исторических судьбах Китая, по-новому поставила вопрос о путях социального и национального обновления страны.

Первым массовым откликом китайского народа на победу Октябрьской революции было «движение 4 мая» 1919 года. В течение двух месяцев Китай был охвачен массовыми патриотическими антияпонскими выступлениями всех слоев городского населения. «Движение 4 мая» 1919 г. носило ярко выраженный антиимпериалистический характер. В нем впервые принимал активное участие молодой рабочий класс Китая. Хотя рабочие тогда еще не выдвинули собственных классовых требований, не выделились из общего потока буржуазного общедемократического движения, проходившего под буржуазными лозунгами и под руководством буржуазных организаций, тем не менее самый факт открытых массовых выступлений китайского пролетариата имел далеко идущие последствия. Пробуждение рабочего класса в Китае было практическим подтверждением правоты и жизненности идей Октября, убедило передовые элементы революционной китайской интеллигенции в необходимости опоры на рабочий класс, ускорило их переход на марксистские позиции.

До октября 1917 г. Китай не знал марксизма. Проникновение идей марксизма-ленинизма в Китай совпало с началом рабочего движения и оживлением революционной активности радикально настроенной мелкобуржуазной интеллигенции, выступившей в авангарде «движения 4 мая». Среди первых сторонников марксизма в Китае, принимавших участие в «движении 4 мая» 1919 г., были Ли Да-чжао, Чэнь Ду-сю, Цюй Цю-бо, Дэн Чжун-ся, Цай Хэ-сэнь, Чжан Тай-лэй, Пэн Бай, Юнь Дай-ин и другие. Китайские сторонники марксизма в 1919—1920 гг. еще были оторваны от рабочего движения, делали первые робкие попытки сближения с пролетариатом, в основном по линии просвещения рабочих. Лишь после установления Коминтерном контактов с коммунистическими элементами Китая оказалось возможным решение задачи объединения разрозненных коммунистических элементов в политическую партию пролетариата, организационного оформления нарождавшегося коммунистического движения.

В книге подробно излагается история создания коммунистических групп в стране, появления рабочей и коммунистической прессы. В июле 1921 г. в Шанхае состоялся I съезд КПК. Главными задачами съезда, проходившего в нелегальных условиях, при участии представителей Коминтерна и Профинтерна, были выработка программных и политических основ партии и ее организационное оформление в качестве бое-

вой политической партии китайского пролетариата. Съезд провозгласил образование Коммунистической партии Китая (КПК), заложил организационные основы партии и определил ее конечные цели, положил начало соединению в Китае марксизма с рабочим движением.

В книге подробно описывается подъем национально-освободительного движения в Китае и образование единого национального фронта в 1922—1923 годах. В борьбу против господства империализма в те годы вовлекались так или иначе почти все классы и слои тогдашнего полукolonиального китайского общества, включая даже отдельные патриотически настроенные феодально-помещичьи элементы. Все более серьезное влияние на характер революционного буржуазного национализма партии гоминьдан и ее лидера Сунь Ят-сена оказывали радикально настроенные демократические слои мелкой буржуазии, а также приобщавшийся к политической деятельности пролетариат. Глубокое впечатление на сознание Сунь Ят-сена, вступившего на путь революционной борьбы с маньчжурской монархией еще в 1895 г., а после поражения революции 1911—1913 гг. продолжавшего борьбу за создание в Китае подлинно демократической республики, произвели победоносный опыт Октябрьской революции и дружественная политика молодого Советского государства в отношении Китая. Все это заставило этого выдающегося революционера-демократа заново переосмыслить пути развития китайской революции, обратиться за поддержкой к Советской России и к молодой Коммунистической партии Китая.

Большим стимулом для усиления национально-освободительного движения в Китае были последовательные интернационалистские позиции СССР в вопросе об отношениях с Китаем, искренние симпатии советских людей к борьбе китайского народа с империалистами и их щедрая, самоотверженная помощь Китаю. При поддержке Советского Союза в провинции Гуандун было создано ядро революционной армии, развивалось рабочее и крестьянское движение, было нанесено поражение контрреволюционным силам.

Послевоенный революционный подъем в Китае, первым проявлением которого было «движение 4 мая» 1919 г., достиг наивысшего уровня в 1925—1927 гг., приняв форму антиимпериалистической национальной революции. Основными лозунгами национально-освободительного движения этого периода были полное восстановление национального суверенитета Китая, свержение власти международного империализма в лице феодальных милитаристов и политическое объединение страны под властью демократического национального правительства. Одновременно были провозглашены лозунги буржуазно-демократических свобод, политического и социального раскрепощения трудящихся масс. Революция 1925—1927 гг. носила антиимпериалистический, национальный характер. Ее основными движущими силами были национальная буржуазия, городская мелкая буржуазия, рабочий класс и крестьянство. К революционному движению примыкали также значительные силы помещиков и даже отдельные милитаристы.

Особенностью революционного подъема в 20-х годах было неуклонное возрастание роли и значения китайского пролетариата, в необычайно короткие сроки поднявшегося до положения авангарда революции. Главным руководителем и организатором революционной борьбы рабочего класса была Компартия Китая. Рабочему классу, однако, не удалось завоевать гегемонию в революции 1925—1927 годов. Руководство революции находилось в руках национальной буржуазии и ее партии гоминьдан. Национальная революция 1925—1927 гг., как указывают авторы книги, «представляла собой сложное переплетение антиимпериалистической борьбы за национальную независимость, в которой принимали участие все слои народа, включая национальную буржуазию и даже часть класса помещиков, с самостоятельными классовыми выступлениями».

ми пролетариата, движением городских низов и с антифеодальными выступлениями крестьянства» (стр. 89). В книге подчеркивается, что роль и значение отдельных потоков революции не были одинаковыми; если пролетариат втянулся в борьбу почти целиком, то крестьянское движение развертывалось сравнительно медленно и приобрело размах только на последнем этапе, когда революция пошла на убыль. Массовые революционные действия трудящихся сочетались с вооруженной борьбой революционных армий, находившихся под командованием буржуазно-помещичьего офицерства. Военные действия стали преобладающей формой революции. Это позволило буржуазно-помещичьим лидерам революции в решающий момент сравнительно легко организовать серию контрреволюционных генеральских переворотов и подавить массовое движение.

Главной причиной поражения революции 1925—1927 гг. было неблагоприятное соотношение классовых сил, относительная слабость рабочего класса и Компартии Китая, прямая вооруженная интервенция империалистических держав на стороне китайской реакции. Несмотря на поражение, революция 1925—1927 гг. оставила глубокий след в истории Китая. Рабочие и крестьяне получили ценный опыт борьбы со своими угнетателями. Революция явилась большой политической школой для молодой Компартии Китая. Она быстро росла, численно и качественно, собирая в себя лучших представителей рабочих и крестьян, передовой интеллигенции.

Тяжелое поражение революции в 1927 г. привело к временному спаду политической активности рабочего класса и крестьянства. Поскольку задачи буржуазно-демократической революции не были выполнены, их предстояло решить на последующих этапах освободительной борьбы китайского народа. Состоявшийся в Москве в связи с жестоким белым террором в Китае VI съезд КПК (июнь — июль 1928 г.) определил текущий этап китайской революции как буржуазно-демократический, тремя главными задачами которого были: борьба за национальную независимость и объединение страны; ликвидация помещичьего землевладения и всех феодальных пут; свержение власти реакционного гоминьдана, власти буржуазно-помещичьего блока и замена ее революционно-демократической диктатурой рабочего класса и крестьянства в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Основываясь на положении о неравномерности развития революции в Китае, VI съезд выдвинул тезис о том, что при новом революционном подъеме победа революционных сил первоначально возможна в одной или в нескольких провинциях. Установка на завоевание в качестве базы революции первоначально отдельных районов, выдвинутая VI съездом КПК, была первым шагом к разработке Коминтерном и КПК курса на создание опорных баз, значение которых показал последующий ход китайской революции.

После поражения революции 1925—1927 гг. на смену прежним милитаристским группировкам, разгромленным народно-революционной армией в ходе Северного похода, пришли новые милитаристские группировки, наиболее крупная из которых, возглавляемая Чан Кай-ши, тесно связанная с компрадорской и крупной китайской национальной буржуазией Шанхая, с начала 1928 г., опираясь на партию гоминьдан, создала свое правительство в Нанкине. Основные усилия нанкинского режима были направлены на подавление революционного движения в стране и расширение границ своего влияния, на установление контроля над местными милитаристскими группировками. Для упрочения своего режима Чан Кай-ши попытался использовать авторитет Сунь Ят-сена и его учение. Гоминьдановцы извратили заветы Сунь Ят-сена, предали забвению его «три политических установки»: союз с СССР, союз с компартией, поддержка рабочих и крестьян — и выпятили отдельные слабые моменты его доктрины (классовое сотрудничество рабочих и буржуазии, крестьян и помещиков, дань националистическим предрассудкам и др.).

Чтобы заручиться поддержкой империалистов и выторговать у них уступки, Чан Кай-ши занял враждебную позицию по отношению к СССР, развернул антисоветскую кампанию. Гоминьдановские войска и белобандиты начали в 1929 г. совершать налеты на территорию СССР. В связи с этим Советский Союз 17 июля 1929 г. официально объявил о разрыве дипломатических отношений с правительством Китая и принял энергичные меры против провокаций на границе. Была создана Особая Дальневосточная армия под командованием В. К. Блюхера, отразившая наступление китайских войск, предпринятое в ноябре 1929 г. на территорию Забайкалья, и начавшая преследование противника на территории Северо-Восточного Китая. Твердая и последовательная политика СССР обеспечила в декабре 1929 г. мирное урегулирование конфликта. В декабре 1932 г. в связи с японской агрессией в Маньчжурии и Северном Китае и с целью укрепления своих позиций на международной арене нанкинское правительство пошло на восстановление дипломатических отношений с СССР. Эта акция была в интересах советского и китайского народов.

К 1931 г. КПК на базе контролируемой частями китайской Красной армии территории удалось создать ряд стабильных советских районов в провинциях Цзянси, Фуцзянь, Чжэцзян, Хубэй, Хунань и на стыке провинций Хубэй, Хэнань и Аньхой. В ноябре 1931 г. в провинции Цзянси состоялся I Всекитайский съезд представителей советских районов Китая, который принял проекты конституции Китайской советской республики, земельного закона, законов о труде, об экономической политике, резолюции о Красной армии, по национальному вопросу и др. В проекте конституции политическая власть на территории советских районов определялась как демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Право избирать в Советы и осуществлять политическую власть предоставлялось рабочим, крестьянам, красноармейцам и другим трудящимся, достигшим 16 лет, независимо от пола, религии и национальности; провозглашались демократические свободы, право на образование, свобода религии, право на самоопределение малых наций вплоть до отделения и образования ими самостоятельных государств. Части Красной армии и население советских районов до 1934 г. успешно отразили пять походов гоминьдановских войск против опорных советских баз. В начале 1935 г. части Красной армии скрытно вышли из гоминьдановского окружения и после тяжелых, длительных переходов, сопровождавшихся кровопролитными боями, перебазировались на северо-запад Китая, где с начала 30-х годов на стыке провинций Шэньси и Ганьсү. Шэньси и Сычуань действовали значительные партизанские силы, сведенные впоследствии в 26-й корпус Красной армии.

Авторы «Новейшей истории Китая», используя многочисленные документы КПК и Коминтерна, многие из которых публикуются впервые, обстоятельно показывают роль Коминтерна в руководстве революционным движением в Китае. После VII конгресса Коминтерна (июль — август 1935 г.), на котором была поставлена задача более активного и последовательного проведения компартиями тактики единого фронта, борьбы против сектанства для решения главной задачи на данном этапе — борьбы против империалистической, колониальной войны, перед КПК была выдвинута задача стать инициатором и объединительным центром всех антиимпериалистических сил страны.

Сразу же после захвата японцами Маньчжурии КПК призвала китайский народ к вооруженной борьбе против агрессора. В начале 1932 г. по рекомендации Коминтерна КПК выдвинула лозунг национально-революционной борьбы. Коммунисты принимали активное участие в партизанской борьбе против оккупантов в Маньчжурии. 1 августа 1935 г. по предложению Исполкома Коминтерна КПК приняла «Обращение к народу об отпоре Японии и спасении родины». В этом документе КПК

предложила всем без исключения партиям, политическим и военным группировкам, в том числе и частям гоминьдановской армии, прекратить гражданскую войну, объединиться для сопротивления японской агрессии. В обращении предлагалось создать правительство национальной обороны из представителей различных политических, военных и других группировок, единое командование и объединенную антияпонскую армию. Программа правительства национальной обороны включала требования решительной борьбы против агрессии, конфискации земли и имущества захватчиков и национальных предателей, улучшения материального положения трудящихся и предоставления народу демократических свобод.

После урегулирования так называемого сианьского инцидента (в ночь на 12 декабря 1936 г. Чан Кай-ши и группа сопровождавших его гражданских и военных деятелей Нанкина были арестованы патристически настроенными офицерами в г. Сиани) гражданская война фактически была прекращена и началось формирование единого национального фронта в Китае. Борьба китайских коммунистов в 1935—1937 гг. под руководством Коминтерна за создание единого фронта сыграла исключительно важную роль в подготовке китайского народа к борьбе против японской агрессии. Благодаря последовательной антиимпериалистической программе и осуществлению тактики единого фронта КПК стала в первые ряды борцов за национальную независимость страны.

В июле 1937 г. японский империализм развернул против Китая новое наступление с целью порабощения всей страны. Созданный по инициативе КПК единый национальный антияпонский фронт стал важнейшим фактором сопротивления захватчикам. Этот фронт включал в себя различные классовые силы: рабочих, крестьян, городскую мелкую буржуазию, национальную буржуазию, а также часть помещиков и крупную буржуазию. В книге дается новая, объективная трактовка роли обеих ведущих китайских политических партий и их вооруженных сил на первом этапе войны с Японией. Гоминьдановские армии в этот период приняли на себя главный удар наступающей японской армии, что в значительной мере помогло Коммунистической партии Китая создать опорные базы партизанской войны в тылу врага, развить народные вооруженные силы и основать освобожденные районы (стр. 180—181). Хорошо показано авторами использование японскими колонизаторами разнообразных средств империалистического порабощения китайского народа: от прямого вооруженного насилия и грабежей до подкупа представителей китайской буржуазии и помещиков, запугивания их «коммунистической угрозой» и широкообещательных обещаний китайскому народу освободить его от «гнета белого империализма», пропаганды расистских «паназнатских» идей.

Советский Союз, неизменно верный своей политике поддержки народов, борющихся за независимость, оказал Китаю большую помощь в борьбе с японской агрессией. 21 августа 1937 г. был заключен советско-китайский договор о ненападении. Подписанный в самый тяжелый для Китая момент, договор нанес серьезный удар агрессивной политике Японии, рассчитывавшей на международную изоляцию Китая. Советский Союз оказал сражающемуся Китаю также прямую материальную помощь, предоставив ему в 1938 и 1939 гг. два крупных кредита и займы для закупки военных материалов. С 1937 г. Советский Союз стал поставлять в Китай большое количество оружия, боеприпасов, горючего и других военных материалов. Крупный вклад в борьбу против японских захватчиков внесли советские военные специалисты, численность которых в Китае к началу 1939 г. превышала 3,5 тыс. человек. В китайском небе сражались советские летчики-добровольцы, более 200 из них пали смертью героев. Высокая оценка интернациональной позиции СССР содержится в приведенных в книге отзывах руководителей КПК.

Так, Мао Цзэ-дун в декабре 1939 г. говорил: «С тех пор как началась война против японских захватчиков, ни одно из правительств империалистических государств не оказало нам подлинной помощи. Один только Советский Союз помог нам военной авиацией и материальными ресурсами» (стр. 177).

Поддержка Советского Союза, укреплявшая позиции прогрессивных сил Китая, побуждала гоминьдановское правительство продолжать сопротивление японским агрессорам. Выражая на словах свое сочувствие Китаю, правящие круги США и Англии на деле проводили политику пособничества японским милитаристам. США и Англия в 1937—1938 гг. были основными поставщиками стратегических материалов Японии, что обеспечивало развитие японской агрессии в Китае и дальнейшее наращивание ее военного потенциала. Политика западных держав и США, а также давление капитулянтских элементов и прояпонских группировок в гоминьдане порождали двойственность и непоследовательность во внешней политике Китая в отношении Японии. Гоминьдановское правительство в 1937—1938 гг. не прекращало тайных переговоров с агрессором, возлагая при этом надежды на обострение отношений между Советским Союзом и Японией и на советско-японский конфликт. Однако японские требования к Китаю шли настолько далеко, что оказались неприемлемыми для гоминьдановских правителей. Японо-китайские переговоры о мире оказались безрезультатными, китайский народ продолжал сопротивление японским захватчикам, опираясь на помощь Советского Союза. Несмотря на то, что первый этап войны был крайне неблагоприятным для Китая (враг захватил значительные территории в северной и центральной частях страны, наиболее развитых в экономическом отношении), Японии не удалось добиться главной цели — капитуляции Китая. Японский план молниеносной войны провалился, она приняла затяжной характер.

В сентябре 1939 г. началась вторая мировая война. Вступление СССР в мировую войну в огромной степени усилило ее освободительный, антифашистский характер. Сложившаяся в первые месяцы на советско-германском фронте обстановка требовала усиления антияпонской войны китайского народа, чтобы предотвратить возможное вступление Японии в войну против СССР. Это соответствовало интересам не только советского, но и других свободолюбивых народов и в особенности китайского народа. Это хорошо понимало большинство членов КПК и прежде всего видные коммунисты-интернационалисты в руководстве партии.

С иных, националистических позиций подошли к этой проблеме Мао Цзэ-дун и его сторонники. В связи с началом в декабре 1941 г. войны на Тихом океане и переключением основных военных усилий Японии с китайского фронта на Тихий океан освободительная борьба китайского народа получила более благоприятные перспективы. Однако, «используя международную обстановку, в которой главные силы японского империализма оказывались занятыми борьбой с США и Англией, а 600-тысячная Квантунская армия была прикована к дальневосточным границам Советского Союза, маоисты навязывали партии тактику пассивного ведения войны, сохранения и накопления сил в ожидании благоприятного момента для захвата власти в стране» (стр. 198). Тактика пассивного ведения войны с японскими оккупантами крайне отрицательно сказалась на развитии вооруженных сил КПК, на положении освобожденных районов в тылу врага, на партии. Воспользовавшись трудным положением партии, а также тем, что внимание всего международного коммунистического движения было приковано к решающему фронту борьбы против фашизма, советско-германскому фронту, маоисты развернули в КПК националистическую кампанию «чжэнфэн» («движение за упорядочение стиля партийной работы», продолжавшееся с лета 1941 по лето 1945 г.). Главными целями «чжэнфэна» были разгром интернационалистских

сил КПК, изменение ее идеологических, теоретических и организационных принципов, полное подчинение партии Мао Цзэ-дуну и его группе. Наряду с этим ставилась задача превращения всей партии в активного проводника «идей Мао-Цзэ-дуна».

Превращение КПК в крестьянскую, мелкобуржуазную по своему составу партию создавало почву для роста непролетарских, националистических настроений в ее рядах, для усиления позиций националистической мелкобуржуазной группы во главе с Мао Цзэ-дуном. Еще в начале 1940 г. Президиум ИККИ указал на эту опасность, напомнив ЦК КПК, что он не выполнил решений ее VI съезда «о вовлечении в руководящие органы партии пролетарских элементов» (стр. 193).

Несмотря на многие негативные явления и противоречия в развитии КПК, большинство коммунистов в годы антияпонской войны стояли на позициях решительной борьбы за коренные национальные интересы китайского народа. Самоотверженной работой в освобожденных районах и борьбой с японскими захватчиками коммунисты завоевали поддержку и доверие миллионов китайских трудящихся, основной массы крестьянства. Благодаря этому руководимые КПК освобожденные районы сумели выстоять в трудных условиях японского наступления и гомиьдановской блокады.

Обстановка, сложившаяся в Китае на заключительном этапе второй мировой войны, не оставляла никаких надежд на скорое изгнание японских захватчиков собственно китайскими вооруженными силами. Японским захватчикам противостояли не объединенная мощь всей китайской нации, а две самостоятельные и непримиримо враждебные друг другу силы — гомиьдан и компартия. Причем обе эти силы готовились не столько к решающим сражениям с японцами, сколько к предстоящей борьбе за власть после разгрома Японии силами союзников Китая — СССР и США.

8 августа 1945 г. Советское правительство заявило о присоединении СССР к Потсдамской декларации США, Англии и Китая, требующей безоговорочной капитуляции Японии. 9 августа Советский Союз вступил в войну с империалистической Японией. Началось наступление Советской Армии, которая быстро продвигалась к внутренним районам Северо-Восточного Китая. 10 августа вступила в войну с Японией Монгольская Народная Республика. Стремительное наступление Советской Армии сделало продолжение сопротивления японской армии бессмысленным и привело к безоговорочной капитуляции Японии, официальный акт о которой был подписан 2 сентября 1945 года.

Наступление Советской Армии резко изменило военно-стратегическую обстановку в Китае, окончательно подорвало силы японского милитаризма, разрушило японскую блокаду освобожденных районов и создало исключительно благоприятные условия для наступления армий, руководимых КПК. Китайский народ был освобожден от ига японских империалистов, от угрозы колониального порабощения. Эта победа была завоевана борьбой всего китайского народа, сплотившегося в едином национальном антияпонском фронте при решающей боевой поддержке Советского Союза. Самоотверженная борьба советского народа против фашизма и японского милитаризма явилась огромной поддержкой освободительной войны китайского народа, служила вдохновляющим примером для китайских коммунистов-интернационалистов, для всего китайского народа. Она создала необходимые международные условия для победы китайской революции после окончания второй мировой войны.

Сразу же после капитуляции Японии в Китае разгорелась острая политическая борьба по вопросу о дальнейших перспективах развития страны, временами перераставшая в открытую гражданскую войну. Народные массы требовали установления внутреннего мира, немедленной ликвидации прогнившей диктатуры гомиьдана и демократизации Ки-

тая. Разгром Советской Армией японских захватчиков значительно укрепил позиции КПК. К концу 1945 г. освобожденные районы составляли почти четверть территории Китая с населением около 150 млн. человек. Выросли и боевые силы народной армии, пополнившей свое вооружение за счет капитулировавших японских войск. Однако и гоминьдановцам удалось с помощью американского империализма укрепить свое стратегическое положение. Уже после капитуляции Японии на американских судах и самолетах в стратегически важные центры освобожденных от японских оккупантов районов была переброшена полумиллионная гоминьдановская армия и сосредоточено более 90 тыс. американских войск.

Важнейшим фактором, способствовавшим усилению Народно-освободительной армии (НОА), была помощь Советского Союза демократическим силам Китая. Как показано в книге, в освобожденной советскими войсками от японских оккупантов и возвращенной Китаю Маньчжурии образовались наиболее устойчивые освобожденные районы с относительно развитой по масштабам Китая промышленностью, с прочным тылом (эти районы примыкали к советской границе), с возможностью получать экономическую помощь из СССР, а также готовить там свои кадры. Советское командование позаботилось о снабжении населения продовольствием, об открытии школ. На освобожденной территории стали создаваться народные органы власти, во главе которых ставились коммунисты. НОА получила от советского командования значительное количество трофейного оружия, боеприпасов, продовольствия Квантунской армии и войск Маньчжоу-го. В результате к концу 1945 г. КПК имела на северо-востоке хорошо вооруженную мощную группу войск численностью в 300 тыс. чел., способную успешно отразить начавшееся наступление гоминьдановцев.

В международном плане наиболее важным для китайской революции был тот факт, что Советский Союз парализовал осуществление планов американских империалистов по организации прямой вооруженной интервенции против демократических сил. В конце июня 1946 г. армия Чан Кай-ши начала общее наступление против освобожденных районов. Благодаря численному превосходству и лучшему вооружению гоминьдановцев в первые месяцы войны им удалось добиться временных успехов. Но, опираясь на крестьянство освобожденных районов, применяя тактику маневренной войны, НОА сумела выйти из-под удара гоминьдановских войск и сохранить свою живую силу.

Антинациональная внешняя и реакционная внутренняя политика гоминьдановской клики вызвала возмущение народных масс. В первой половине 1947 г. по гоминьдановскому Китаю прокатилась мощная волна демонстраций, забастовок, голодных бунтов, вооруженных восстаний. В это движение втягивались все слои населения — рабочие, крестьяне, интеллигенция, мелкая городская буржуазия, национальная буржуазия. Глухое брожение охватило деревню. С оружием в руках поднялись против чанкайшистской тирании народы национальных окраин; особенно мощным было демократическое движение среди некитайского (уйгуры, казахи, киргизы и др.) населения в провинции Синьцзян, граничившей с Советским Союзом. В Китае складывалась общая революционная ситуация, которая явилась решающим внутривнутриполитическим условием последующих успехов НОА.

В книге убедительно показано, что особое значение для КПК имел тот факт, что НОА имела прочный тыл и мощную базу снабжения на северо-востоке: освобожденные районы на протяжении многих тысяч километров непосредственно примыкали к границам Советского Союза. В освобожденные районы Северо-Восточного Китая из СССР поступали горючее, автомашины, медикаменты, уголь и другие товары, необходимые для снабжения населения и армии, а также оборудование для

школ и больниц. Большую роль в укреплении революционной базы на Северо-Востоке Китая сыграла советская помощь в восстановлении и развитии промышленности, железнодорожных и водных коммуникаций, в подготовке китайских кадров (стр. 226). В соответствии с советско-китайским договором от 14 августа 1945 г. Советское правительство не допустило переброски гоминьдановских войск в Маньчжурию через порт Дальний. Все это позволило превратить освобожденные районы Маньчжурии фактически в главный стратегический плацдарм НОА в период народно-освободительной войны.

В обстановке общего революционного подъема ЦК КПК поставил задачу завершения народно-демократической революции, провозгласив лозунг вооруженного свержения правительства Чан Кай-ши и создания народно-демократического коалиционного правительства. Выдвигались также требования наказания военных преступников, предоставления национальным меньшинствам политического равноправия и прав на автономию, аннулирования кабальных договоров и проведения независимой внешней политики. В экономической области предусматривалась конфискация крупного государственно-монополистического капитала, ликвидация помещичьего землевладения, развитие национальной промышленности и торговли, улучшение жизни трудящихся. Это была программа радикальной буржуазно-демократической революции. В политическом докладе VII съезду КПК (1945 г.) Мао Цзэ-дун говорил о том, что общественно-политический строй, который должен прийти на смену гоминьдановской диктатуре, — государство «народной демократии» будет существовать в течение длительного периода («десятки лет»). Главной опорой новодемократического режима Мао Цзэ-дун считал крестьянство и ни слова не говорил о руководящей роли рабочего класса в этом государстве. Вскоре после победы народной революции теория «новой демократии» была отвергнута КПК ввиду ее несоответствия марксизму.

Решительное проведение радикальной антифеодалной аграрной реформы рассматривалось руководством КПК как «самая основная предпосылка ведения длительной войны и завоевания победы во всей стране» (стр. 228). Проведение аграрной реформы с 1946 г. стало центральным звеном всей работы партии в освобожденных районах. При проведении аграрных преобразований в 1946—1949 гг. КПК широко использовала опыт, накопленный в предшествующие годы, особенно в период борьбы под лозунгом Советов. В ходе аграрной реформы был значительно обновлен состав низовых партийных организаций за счет массового вовлечения в партию бедняков, получивших помещичью землю и имущество. Тем самым была упрочена позиция партии в деревне. Авторы книги в то же время отмечают, что компартией «рабочим в отличие от крестьян никакого улучшения материального положения в обозримом будущем обещано не было» (стр. 232).

Несмотря на режим жестоких репрессий, клике Чан Кай-ши не удалось остановить неудержимое нарастание революционной волны. Массовые политические выступления широчайших слоев народа в крупных городах страны буквально потрясли основы реакционного режима. Активное участие в этой политической борьбе принимал рабочий класс, но он был плохо организован и лишен политического руководства со стороны собственной пролетарской партии. Даже на заключительном этапе гражданской войны, когда буржуазно-помещичий режим разваливался на глазах под ударами НОА, КПК не выдвигала лозунга вооруженного восстания в городах. Авторы приходят к выводу о том, что политика КПК в отношении рабочего класса исходила прежде всего из задачи привлечения национальной буржуазии в ряды единого фронта, возглавляемого коммунистами (стр. 234).

Мощный революционный подъем в гоминьдановских районах, решающие успехи НОА и укрепление освобожденных районов, тяжелое

поражение войск Чан Кай-ши поставили реакционный гоминьдановский режим перед неминуемым крахом. Поражение китайской реакции означало в то же время и крупный внешнеполитический провал политики американского империализма.

В июле 1947 г. НОА перешла в стратегическое наступление с целью свержения гоминьдановской диктатуры и создания народно-демократического строя. Темпы и масштабы наступления неуклонно нарастали, завершившись к концу 1949 г. уничтожением гоминьдановской военной и государственной машины и полным освобождением континентального Китая (за исключением Тибета, который был освобожден в 1951 г.). 21 сентября 1949 г. в Пекине открылась сессия Народной политической консультативной конференции Китая (НПКК). Она явилась организационной формой народно-демократического фронта трудового крестьянства, рабочего класса, городской мелкой буржуазии, национальной буржуазии и прочих патриотических элементов во главе с коммунистами. Первая сессия НПКК взяла на себя роль Учредительного собрания. На сессии единогласно были приняты организационный статут НПКК, закон об организации Центрального народного правительства Китайской Народной Республики (КНР), а также решение о столице, гимне и флаге КНР. 30 сентября 1949 г. НПКК избрала свой постоянный рабочий орган — Всекитайский комитет и Центральное народное правительство КНР. 1 октября 1949 г. на многотысячном торжественном митинге в Пекине на площади Тяньаньмынь была оглашена декларация Центрального народного правительства о создании Китайской Народной Республики.

Победа китайской революции имела большое международное значение. Она укрепляла лагерь социализма, наносила удар по колониальной системе империализма. Эта победа открыла новую эпоху в многовековой истории народов Китая.

При освещении и анализе исторических событий новейшей истории Китая до образования Китайской Народной Республики авторы сосредотачивают основное внимание на показе деятельности КПК, подробно разбирают вопросы партийного строительства, внутривнутрипартийной борьбы, взаимоотношений КПК с Коминтерном. История Китайской компартии впервые столь подробно, на основе многочисленной документации излагается в научной литературе. Однако в результате такого крена в сторону истории КПК, детального разбора в первой части книги преимущественно историко-партийных вопросов многие важные стороны гражданской истории и международных отношений Китая периода 1917—1949 гг. остались фактически отнесенными на второй план или вовсе упущенными. К числу вопросов, не нашедших достаточно глубокого освещения в первой части книги, относится проблема китайского милитаризма — оплота феодальной и компрадорской реакции и иностранного империализма в Китае. Рассмотрение генезиса этого специфически китайского явления, показ борьбы за влияние милитаристских группировок в стране и отношение к этой борьбе прогрессивных общественных сил Китая могли бы занять должное место на страницах книги. Все это, безусловно, пролило бы дополнительный свет на многие вопросы современного положения КНР, в том числе и на вопрос о политике военизации страны, проводимой ныне в Китае.

По сравнению с местом, отведенным истории компартии, непропорционально мало говорится в книге об истории гоминьдана — этой правящей партии Китая на протяжении длительного периода новейшей истории, деятельность и идеология которой оказали сильное воздействие не только на ход исторических событий, на внутреннюю и внешнюю по-

литику Китая тех лет, но и в значительной степени на деятельность КПК, на воззрения многих ее руководителей. Чан Кай-ши, Дай Цзи-тао и Ван Цзин-вэй, с одной стороны, Чэнь Ду-сю, Мао Цзэ-дун — с другой, восприняли от китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена многие стороны его учения о «трех народных принципах» и в первую очередь национализм, причем крайне гипертрофированный, наряду с антиимпериалистическим, антиколониальным содержанием включавший в себя и многие элементы шовинистического, великоханьского, пренебрежительного отношения к остальным нациям и народам, проповедь национальной исключительности Китая и его мессианской роли в будущем, претензии на гегемонию в мировом историческом процессе.

Аналогия между маоизмом и правым суньятсенизмом может быть продолжена, если вспомнить, что оба этих идеологических течения придают армии функции контроля над всеми сторонами государственной и общественной жизни. После учреждения Китайской Народной Республики КПК создала на освобожденных от противника территориях органы военного контроля — военно-административные комитеты в крупных административных районах (Северо-Восток, Восточный Китай, Южно-Центральный Китай и Юго-Западный Китай), а также военно-контрольные комитеты в крупных и средних городах; эти комитеты продолжали существовать даже после принятия в 1954 г. конституции КНР, согласно которой военный контроль был официально отменен (стр. 249). Более детальное освещение деятельности партии гоминьдан, внутренней и внешней политики нанкинского правительства позволило бы лучше понять и многие процессы, происходящие в настоящее время в КНР.

Читатели книги будут искать в ней объяснение причин и истоков различных явлений и процессов, которые имели место или сохраняются в наши дни в КНР, в том числе и той большой роли, которую продолжает играть в стране армия. Поэтому крайне важно было бы сосредоточить внимание именно на исследовании объективных и субъективных факторов этих явлений и процессов. К сожалению, мы не располагаем еще достаточным числом монографических исследований по различным этапам и проблемам новейшей истории Китая. Поэтому указанные претензии адресуются не столько авторам «Новейшей истории Китая», сколько коллективу советских китаеведов, специализирующихся на изучении новейшей истории в целом.

Необходимо было также уделить внимание истории «третьих партий» в Китае рассматриваемого периода — Демократической лиги, Революционного комитета гоминьдана, Чжигунтан и др., показу общественно-политической жизни страны, деятельности Ассоциации национального спасения, творческой интеллигенции — писателей, художников, артистов и т. д.; нуждается в детальном исследовании и история отдельных крупных региональных милитаристских группировок и клик: чжилийской, фэнтяньской, аньфу, шэньсийской, гуансийской, юго-западной и других. Следовало бы указать и на существование в Китае довольно влиятельных антисоветских сил, рассказать об участии Китая в вооруженной интервенции 14 капиталистических стран против Советской России, о карательной деятельности китайских милитаристов-интервентов в Монголии, о поддержке ими белобандитов Семенова, Унгерна, Бакича и др., использовавших территорию Китая для борьбы с новым общественным строем в России и национально-освободительным движением монгольского народа.

Справедливо отмечая, что «неоценимый вклад в победу Северного похода внесли советские военные специалисты — пехотинцы, артиллеристы, летчики, связисты, — в полной мере проявившие высокий дух пролетарского интернационализма, воинскую доблесть и профессиональное мастерство» (стр. 100), авторы не называют их имен, хотя за последние годы появились ценные мемуарные свидетельства советских участников

Северного похода — воспоминания и записки генералов А. И. Черепанова, Н. И. Кончица² и других.

Авторы дважды, на стр. 56 и 67, упоминают о важнейшем документе советско-китайских отношений — обращении Совета Народных Комиссаров РСФСР «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г., но не раскрывают содержания этого документа. В первой части книги встречаются отдельные неточности. Вряд ли правомерно включать банкиров Сун Цзэ-вэня и Кун Сянси в одну группу при характеристике различных группировок в нанкинском правительстве, выдвигая при этом на первый план то обстоятельство, что они оба являются родственниками Чан Кай-ши по линии его жены (стр. 144). Исполнительный штаб, созданный в Бэйпине в январе 1946 г., использовался не только американцами, но был также активно использован КПК для установления связи со своими воинскими подразделениями, разбросанными по всей стране (стр. 220).

Крайне полезными для читателя были бы также карты военных действий и схем; к сожалению, в книге нет ни карт Китая, ни каких-либо иллюстративных материалов.

Введение, которое должно ввести читателя в курс основных событий китайской истории на рубеже XIX—XX вв., не следовало строить по хронологическому принципу (оно состоит из следующих трех разделов: переход от «старых китайских бунтов» к сознательному демократическому движению; синьхайская революция (1911—1913 гг.) и Китай после синьхайской революции), а кратко рассказать лишь об основных, унаследованных от предыдущих исторических эпох отличительных особенностях полуфеодального, полукolonиального общественного строя Китая к началу новейшего времени, которые оказывали и оказывают отрицательное воздействие на ход исторического процесса.

Во введении, которое занимает 50 страниц, весьма бегло и конспективно говорится о большом количестве исторических событий и фактов новой истории Китая без должного их объяснения и анализа. Ряд положений введения вообще спорен. Так, на стр. 6 сословие шэньши, по сути дела, противопоставлено чиновничеству, хотя сами авторы признают, что чиновники рекрутировались как раз из этого сословия шэньши. Там же утверждается, что «господствующая идеология представляла сочетание буддизма с китайской народной религией даосизмом и с древней китайской конфуцианской философией», в то время как официальной идеологией цинского Китая было конфуцианство чжусианского толка (на стр. 9 Конфуций почему-то назван основателем «китайской религиозной философии»). Во введении говорится о «многочисленной сельской феодальной интеллигенции» (стр. 6), «аристократической интеллигенции» (стр. 10), «помещичьей интеллигенции» (стр. 11), «либеральной интеллигенции» (стр. 12), «прогрессивной интеллигенции конца XIX в.» (стр. 49), но не проводится достаточно четкого социально-экономического анализа классов и групп китайского общества накануне новейшего периода истории.

Во введении имеет также место неточная периодизация отдельных событий новой истории. Так, мысль о неизбежности перехода «старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение»,

² А. И. Черепанов. Записки военного советника в Китае. Из истории Первой гражданской революционной войны (1924—1927). М. 1964; его же. Северный поход Национально-революционной армии Китая (1926—1927) (Записки военного советника). М. 1968; В. В. Вишнякова-Акимова. Два года в восставшем Китае. 1925—1927. Воспоминания. М. 1965; М. И. Казанин. В штабе Блюхера. Воспоминания о Китайской революции 1925—1927 годов. М. 1966; В. М. Примakov. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М. 1967; «Советские добровольцы о первой гражданской революционной войне в Китае». Воспоминания. М. 1961; Н. И. Кончиц. Китайские дневники 1925—1926 гг. М. 1969; А. В. Благодатов. Записки о китайской революции 1925—1927 гг. М. 1970.

изложенная В. И. Лениным в 1908 г. в статье «Горючий материал в мировой политике» и тесно увязанная им с последовавшим за первой русской революцией 1905—1907 гг. новым этапом революционного движения в Европе и Азии и международной борьбы пролетариата, на стр. 16 трактуется применительно к периоду 1900—1901 гг., без какой-либо связи с первой русской революцией. Хунаньский чиновник Чжоу Хань, антимиссионерские лубки и памфлеты которого относились к началу 90-х годов XIX в., без какого-либо основания зачисляется на стр. 12 в число участников народного движения ихэтуаней 1898—1900 годов. Есть во введении и ряд других неточностей. Например, на стр. 16 утверждается, что слово «гэмин» — «революция» заимствовано из японского языка. В действительности же этот термин в смысле «изменение воли неба» бытовал еще в древнекитайской философии («Книга перемен») и оттуда был заимствован японцами.

Вторая часть «Новейшей истории Китая» посвящена периоду 1949—1970 годов. Образование Китайской Народной Республики знаменовало начало нового исторического этапа в жизни Китая. На следующий день после провозглашения Китайская Народная Республика была признана Советским Союзом, который установил с ней дипломатические отношения. С первых дней существования КНР получала братскую поддержку СССР, всего социалистического содружества в борьбе против империалистической агрессии, за восстановление и развитие народного хозяйства и утверждение новых общественных отношений.

Перед народной властью стояли задачи ликвидации всех особых прав и привилегий империалистических держав в Китае, конфискации и передачи в собственность народного государства бюрократического капитала, упразднения феодальной и полуфеодальной системы землевладения, охраны государственной и кооперативной собственности, а также собственности и экономических интересов рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и национальной буржуазии, развития народного хозяйства в целях превращения страны из аграрной в индустриальную. Все эти задачи, как указывают авторы книги, не выходили за рамки буржуазно-демократической революции, но их последовательное решение государством, в котором власть принадлежала трудящимся, расчищало почву для последующего перехода Китая на социалистический путь развития. Однако в принятой НПКК Общей программе о будущем переходе Китая к социализму не говорилось. В ней было определено, что новая государственная власть в Китае представляет собой «демократическую диктатуру народа», основанную на союзе рабочих и крестьян и руководимую рабочим классом. При этом подразумевалось, что руководящая роль рабочего класса в народном государстве осуществляется через Компартию Китая, которая стала правящей партией. «Однако,— указывают авторы,— ни характер КПК, ни положение китайского рабочего класса в системе политических и экономических отношений в первые годы существования КНР не дают оснований говорить о государственной гегемонии пролетариата. Юридическое закрепление руководящей роли рабочего класса в первых законодательных актах КНР не отражало реального соотношения классовых сил и в лучшем случае могло играть роль программной установки на будущее» (стр. 244). Центральное народное правительство КНР было правительством единого фронта. В высших государственных органах наряду с КПК, игравшей руководящую роль, были представлены буржуазные партии и беспартийные.

Обстановка, в которой Компартия Китая пришла к руководству страной, была весьма сложной: гражданская война еще не закончилась,

под властью гоминьдановцев оставались значительные территории Китая с населением более чем 160 млн. человек. На освобожденной территории действовали многочисленные гоминьдановские и помещичьи банды, срывавшие мероприятия народной власти. Особенно трудным было экономическое положение страны, подорванное длительной войной с Японией и гражданской войной. Экономика страны носила многоукладный характер. В ней имелось пять секторов: государственный, кооперативный, мелкотоварный, частнокапиталистический и государственно-капиталистический. В деревне сохранялись пережитки феодальных и даже дофеодальных отношений. Разрушенная страна не имела материальных ресурсов, финансовая система находилась в состоянии хаоса.

В этих условиях жизненно важной для Китая была интернационалистическая политика КПСС, братская помощь Советского Союза. Подписанный в Москве 14 февраля 1950 г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи обеспечил политическую, экономическую, военную помощь СССР народному Китаю. Одной из первоочередных военно-политических задач молодой народной власти было уничтожение остатков гоминьдановских войск и освобождение всей территории Китая. На заключительной стадии войны в ней принимали участие советские авиационные дивизии, переброшенные в Китай по просьбе Центрального народного правительства. Советские летчики быстро пресекли налеты гоминьдановской авиации на Шанхай, обеспечив надежный воздушный щит этому многомиллионному городу и важнейшему экономическому центру страны.

Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, соглашения о Китайско-Чаньчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении КНР долгосрочного экономического кредита оказали исключительно сильное воздействие на укрепление международного и внутривосточного положения Китая. Договор и соглашения предусматривали широкое развитие политического, экономического и культурного сотрудничества между СССР и КНР. Советское правительство безвозмездно передавало Китаю все свои права по совместному управлению КЧЖД со всем принадлежащим дороге имуществом, все сооружения военно-морской базы Порт-Артур, советское имущество в порту Дальнем, а также имущество, приобретенное у японских собственников в Маньчжурии. Китаю был предоставлен льготный кредит в сумме 300 млн. долл. для оплаты поставок из Советского Союза оборудования и материалов для тяжелой промышленности и транспорта. СССР взял на себя обязательство оказывать КНР помощь в строительстве и реконструкции 50 крупных промышленных предприятий, снабжать Китай необходимыми промышленными товарами, горючим и сырьем (стр. 258—259). Все это имело огромное значение для стабилизации политического и экономического положения КНР, восстановления ее народного хозяйства. По просьбе китайского правительства в КНР была направлена группа советских специалистов, передававших китайскому народу свой научно-технический опыт, оказывавших помощь в восстановлении промышленности и транспорта, помогавших в организации системы управления народным хозяйством и государственном планировании.

Важное значение имела также дипломатическая поддержка Китая на международной арене, оказанная Советским Союзом, и его неустанная и последовательная борьба за восстановление законного места КНР в Организации Объединенных Наций. В период военных действий в Корее Советский Союз не только непрерывно снабжал китайских добровольцев оружием, боеприпасами, горючим, продовольствием, медикаментами, но по просьбе правительства КНР в Маньчжурию были переброшены советские авиационные дивизии, надежно прикрыв-

шие индустриальные центры северо-восточных провинций Китая от налетов американской авиации. В воздушных боях над Маньчжурией советские летчики сбили десятки американских самолетов. Интернациональная поддержка СССР помогла Китаю преодолеть международные и внутренние трудности, успешно завершить восстановление народного хозяйства.

Со второй половины 1950 г. после завершения регулярных военных действий внутри страны центр тяжести борьбы с контрреволюцией постепенно перемещается в город, где в ходе движения по подавлению контрреволюции в 1951—1952 гг. был нанесен серьезный удар подрывной деятельности гоминьдановского подполья.

Решение антифеодальных задач революции составляло основное содержание деятельности КПК в восстановительный период. Главной была ликвидация основ феодально-помещичьего землевладения путем проведения радикальной аграрной реформы. Реформа была вместе с тем и одной из важнейших предпосылок восстановления и реконструкции народного хозяйства. Основными органами ее проведения на местах были крестьянские союзы, в которые помещики и кулаки не допускались. Проведение аграрной реформы явилось глубокой антифеодальной революцией, осуществленной народным государством сверху при поддержке многомиллионных масс трудового крестьянства. В результате аграрных преобразований, завершившихся к весне 1953 г., около 300 млн. безземельных и малоземельных крестьян получили безвозмездно 47 млн. га помещичьей земли (стр. 252). Крестьяне освободились также от выплаты земельной ренты помещикам. Больше всего выиграли от аграрных преобразований бедняки и батраки. Значительно возросло число середняцких хозяйств. Класс помещиков был ликвидирован, а кулачество ослаблено политически и экономически. В ходе проведения аграрной реформы укрепился союз рабочего класса и крестьянства, усилилось влияние компартии в массе крестьян, возникли условия для развития производительных сил сельского хозяйства. По мере завершения аграрной реформы при поддержке КПК и народного государства широко внедрялись сезонные и постоянные группы производственной взаимопомощи.

К 1951 г. на основе конфискации государственно-монополистического крупного капитала в руках народного государства оказались крупнейшие бабки, железнодорожный транспорт, большинство предприятий тяжелой промышленности, а также некоторые ключевые отрасли легкой промышленности и часть торговли. Наряду с конфискацией государственно-монополистического капитала народная власть в восстановительный период отменила все особые права и привилегии империалистов в Китае и постепенно провела национализацию иностранного капитала. Была установлена фактическая монополия внешней торговли и принята политика защиты отечественного производства. Все это позволило государственному сектору овладеть ключевыми высотами экономики. Для преодоления растущего сопротивления буржуазии политике ограничения и регулирования частного капитала в конце 1951 — начале 1952 г. в Китае были развернуты две массовые политические кампании: движение против коррупции, расточительства и бюрократизма («три зла») и против злоупотреблений («пять зол») среди буржуазии.

В ходе этих кампаний значительно повысилась активность, организованность и авторитет рабочего класса. Роль и значение профсоюзов заметно выросли. К концу 1952 г. в них состояло более 7 млн. рабочих и служащих (стр. 256).

Тем не менее главной социальной и политической опорой народной власти, как и прежде, оставалось крестьянство. Ему она уделяла свое основное внимание. В отношении рабочего класса руководство КПК до-

бывалось не столько его политической, сколько производственной активности. Партия по-прежнему оставалась преимущественно крестьянской по своему составу; хотя рабочая прослойка в ней после учреждения КНР и выросла в несколько раз, она все еще была весьма небольшой, составляя около 6,5% в мае 1953 г. (там же). Таким образом, перелома в развитии партии, в ее классовом составе после образования КНР не произошло.

В восстановительный период был сделан первый шаг в решении национального вопроса, имеющего большое значение в Китае, обширные окраины которого заселены преимущественно национальными меньшинствами (уйгурами, монголами, тибетцами, дунганями, корейцами, чжуан, мяо и др.). Общая программа НПКК предусматривала установление равноправия всех национальностей, введение национальной автономии и учреждение органов национального самоуправления или многонациональных правительств в районах совместного проживания нескольких национальностей. Однако районная национальная автономия в КНР с самого начала ограничивалась лишь административной формой, исключавшей возможность создания не китайскими народами своей национальной государственности на началах автономии или федерации. Своей национальной государственности были лишены даже те народы, которые обладали ею в прошлом (например, в Синьцзяне, Тибете и др.).

В течение восстановительного периода было завершено решение основных задач демократической революции и подготовлены определенные политические и экономические предпосылки для начала социалистического переустройства Китая. Решать эти задачи КПК, народному государству предстояло в сложных условиях крайне отсталой и бедной страны с громадным преобладанием мелкобуржуазных слоев населения и относительно слабым рабочим классом. В документах КПК 1952—1953 гг. общественный строй в КНР рассматривался как переходный к социалистическому. Уточняя и конкретизируя генеральную линию в переходный период, ЦК КПК определил, что этот период составит примерно три пятилетки, то есть приблизительно 15 лет. ЦК КПК подчеркивал неизбежность длительного промежутка времени для создания материальной базы социализма и осуществления социалистических преобразований. ЦК указывал на необходимость постепенного, поэтапного решения главных задач переходного периода, на протяжении которого должны одновременно решаться две взаимосвязанные задачи: создание материально-технической базы социализма и становление социалистических производственных отношений.

В 1954 г. в Пекине собралась 1-я сессия Всекитайского собрания народных представителей, принявшая первую в истории Китая демократическую конституцию. В конституции впервые провозглашались социально-экономические права граждан, их политические свободы и обязанности. И хотя материальные гарантии социально-экономических прав носили пока еще в основном программный характер, самый факт их внесения в конституцию имел большое историческое значение. В первые годы после принятия конституции многие ее положения претворялись в жизнь. Вплоть до конца 50-х годов шла интенсивная работа высшего и местных органов власти, собиравшихся регулярно в соответствии с законом. Первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР (1953—1957 гг.) был успешно выполнен при активном участии всего народа. Рабочий класс Китая откликнулся на призыв КПК подняться на борьбу за осуществление социалистической индустриализации, за выполнение и перевыполнение государственных экономических планов, за повышение производительности труда, улучшение качества продукции, соблюдение строгого режима экономии и укрепление трудовой дисциплины. К концу 1955 г. было сдано в эксплуатацию

253 новых предприятия, давших более $\frac{1}{4}$ всей промышленной продукции (стр. 270).

Компартия Китая планомерно проводила кооперирование сельского хозяйства. В результате аграрной реформы китайская деревня осереднячилась. Середняками стало более половины бывших бедняков и батраков. В число середняков перешло около половины бывших кулаков. После получения помещичьей земли крестьянство снизило политическую активность и занялось собственным хозяйством. Единичное крестьянство сопротивлялось мобилизации средств деревни для индустриализации. ЦК КПК ориентировал партию и крестьянство на постепенное, рассчитанное на довольно длительный период (три пятилетки) осуществление социалистических преобразований в деревне. Однако уже к 1955 г. руководство КПК решило форсировать кооперирование крестьян, отложив реконструкцию сельского хозяйства на более отдаленное будущее. Авторы пишут, что «пересмотр генеральной линии КПК Мао Цзэ-дунем в 1955—1956 гг. может быть расценен как начало принципиального поворота от научного коммунизма, лежавшего в основе генеральной линии КПК в переходный период, к реакционному мелкобуржуазному эгалитарному утопизму великодержавно-шовинистического толка, составляющему существо современной маоистской доктрины» (стр. 278).

Установки Мао Цзэ-дуна на форсирование социалистических преобразований осуществлялись на базе экономических успехов, достигнутых в первые годы пятилетки. Основные массы трудящихся — крестьянство, особенно беднота, не говоря уже о рабочем классе, — стояли за социализм, оказывали поддержку компартии и народному правительству. Но уровень классового самосознания крестьянских масс Китая, их образовательная, культурная и профессиональная подготовка были еще недостаточны для немедленного перехода к развитым формам крупного социалистического коллективного хозяйства. Тем не менее за короткий период, примерно в течение 8—9 месяцев 1955—1956 гг., в Китае было проведено сплошное кооперирование сельского хозяйства, без каких-либо серьезных изменений в характере производительных сил.

Вслед за форсированием темпов кооперирования деревни был взят курс на ускоренное преобразование капиталистической промышленности и кооперирование кустарей. К июню 1956 г. преобразование частной промышленности было закончено по всему Китаю. Преобразование частно-капиталистической промышленности и торговли было осуществлено на основе соглашения с буржуазией, предусматривавшего щедрый выкуп принадлежавших ей средств производства. Подавляющее большинство китайской буржуазии, по крайней мере внешне, с ликованием встретило это соглашение. Авторы подчеркивают, что соглашение маоистского руководства с буржуазией было достигнуто как раз в момент поворота маоистов на «особый», националистический путь развития (стр. 283). Кооперирование деревни и ликвидация частного капитала предопределили судьбу кустарей, кооперирование которых было завершено к концу 1956 года.

Таким образом, первоначальный план социалистических преобразований, рассчитанный на три пятилетки и учитывающий реальные возможности страны, был грубо нарушен. Мао Цзэ-дун и его группа организовали своеобразный «скачок» в области производственных отношений, не подкрепленный соответствующей материальной базой. Поспешное проведение таких в принципе глубоко прогрессивных преобразований, как обобществление средств производства города и деревни, дало результаты, далеко не благоприятные для дальнейшего успешного продвижения Китая по пути социализма. Выдвинутый Мао Цзэ-дунем в начале 1956 г. лозунг: строить социализм по принципу — больше, быстрее, лучше и экономнее — он пытался немедленно реализовать

путем широкой мобилизации крестьянских масс. Хотя гигантскими усилиями сотен миллионов крестьян за полгода было построено больше ирригационных сооружений, чем их предки создали за два тысячелетия, общий уровень сельскохозяйственного производства остался тем же. Попытка проведения своеобразного «скачка» в сельском хозяйстве и в промышленности, предпринятая Мао Цзэ-дуном накануне VIII съезда КПК, не увенчалась успехом.

Состоявшийся в сентябре 1956 г. VIII съезд партии подтвердил правильность ее генеральной линии, сформулированной в 1952 г., и подверг критике «левацкие» отклонения от нее, которые, как указывалось в материалах съезда, «главным образом заключались в требовании построить социализм «в одно прекрасное утро»... в отказе признать то, что переход к социализму нужно осуществлять, двигаясь вперед постепенно» (стр. 287). Установка на постепенное завершение социалистических преобразований сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли, постепенное осуществление индустриализации страны была включена в новый устав партии в качестве одного из основных положений ее программы. В резолюции съезда указывалось, что основным противоречием внутри страны стало противоречие «между передовым социалистическим строем и отсталыми общественными производительными силами». Партия поставила задачу превратить страну из отсталой, аграрной в передовую, индустриальную. Выполнение программы индустриализации страны в соответствии с генеральной линией намечалось осуществить в течение трех пятилеток. Главной целью экономической политики партии и государства в переходный период съезд постановил считать социалистическую индустриализацию страны, создание необходимой материальной базы для технической реконструкции народного хозяйства и повышения жизненного уровня народа.

При рассмотрении вопросов партийной жизни и партийного строительства съезд обратил особое внимание на существование опасных, непролетарских тенденций в КПК, причем он подчеркнул, что главную опасность по-прежнему представляло давление мелкобуржуазной стихии. Съезд признал также, что большой урон партии нанес непомерно раздутый культ личности Мао Цзэ-дуна. Съезд извлек из устава КПК всякое упоминание «об идеях Мао Цзэ-дуна» как идейной основе партии (это положение было внесено в устав КПК на VII съезде в 1945 г.). В новом уставе партии, принятом на VIII съезде, говорилось: «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом. Только марксизм-ленинизм правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма» (стр. 290).

Однако вопреки решениям съезда группа Мао Цзэ-дуна не отказалась от своих планов подмены марксизма-ленинизма маоизмом, пролетарского интернационализма — шовинизмом, научно обоснованной генеральной линии партии — волюнтаристскими попытками перепрыгнуть через необходимые этапы социалистического строительства.

За годы первой пятилетки КНР получила от Советского Союза и европейских социалистических стран большую экономическую и научно-техническую помощь. Товарооборот между Советским Союзом и КНР в 1957 г. превысил 5 млрд. руб., на долю СССР приходилось около 50% внешней торговли КНР (стр. 300). Разносторонние китайско-советские экономические и научно-технические связи были обоюдно выгодными, причем для Китая они имели решающее значение, обеспечивая широкую стабильную базу для выполнения плана социалистической индустриализации.

Несмотря на левацкие ошибки руководства КПК и вызванные этим трудности, за годы первой пятилетки в Китае объем промышлен-

ного производства вырос на 141%. Были созданы основы крупной технической передовой промышленности, появились новые отрасли промышленности — авиационная, автомобильная, станкостроительная, химическая, вошли в строй предприятия по производству энергетического, металлургического и горного оборудования. К концу пятилетки страна могла уже удовлетворить собственными силами более 60% потребности в машинах и оборудовании. Из 156 крупных объектов, сооружавшихся с помощью Советского Союза, было начато строительство 135, в том числе 68 были полностью или частично сданы в эксплуатацию. Помощь Китаю в строительстве 68 промышленных предприятий оказывали ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария. Из этого числа в конце пятилетки 27 предприятий вступили в строй (стр. 302).

В результате выполнения и перевыполнения первой пятилетки в области промышленности Китай значительно продвинулся по пути социалистической индустриализации. За годы пятилетки несколько повысился материальный и культурный уровень масс, была почти полностью ликвидирована безработица. Номинальная заработная плата рабочих и служащих возросла на 42,8% в 1957 г. по сравнению с 1952 г. (стр. 303). Государство выделило значительные средства на трудовое страхование, медицинское обслуживание, культурно-просветительные мероприятия и улучшение материально-бытовых условий рабочих и служащих. Была проделана большая работа по ликвидации неграмотности. В основном были ликвидированы такие опасные заболевания, как чума, холера, оспа.

Подводя итоги выполнения заданий первой пятилетки, авторы книги отмечают, что развитие Китая по социалистическому пути, связанное с определенными успехами в решении грандиозной задачи построения социализма в Китае, натолкнулось на мощное противодействие мелкобуржуазных сил и тенденций. Рабочий класс в этой борьбе далеко не всегда одерживал верх, вынужден был отступать, маневрировать, идти на компромиссы. К концу первой пятилетки в КПК отчетливо обнаружился угрожающий рост мелкобуржуазных, националистических тенденций, которые партия не смогла преодолеть (стр. 304).

VIII съезд КПК принял контрольные цифры второго пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР на 1958—1962 годы. План предусматривал ускорение темпов развития сельского хозяйства и ряда отраслей легкой промышленности. Намечались меры по выравниванию уровней жизни в городе и деревне. Однако осуществление второго пятилетнего плана, планомерное развитие народного хозяйства были сорваны группой Мао Цзэ-дуна, навязавшей партии и стране авантюристическую политику «большого скачка». Эта политика явилась составной частью «особого курса», с которым группа Мао Цзэ-дуна выступила в конце 50-х годов внутри страны и на международной арене. Успешное выполнение первой пятилетки и укрепление внешнего и внутривнутриполитического положения КНР вызвали у маоистов «головокружение от успехов», усилили их националистические, великодержавные притязания.

Стремясь подвести под свои гегемонистские планы «экономическую базу», Мао Цзэ-дун и его сторонники со второй половины 1957 г. стали настаивать на том, чтобы одним рывком, одним «большим скачком» разделаться со всеми проблемами и трудностями, двинуть вперед развитие экономики. Для доказательства необходимости и возможности осуществления «большого скачка» Мао Цзэ-дун выдвинул лозунги: «политика — командная сила», «бедность — это хорошо», «китайский народ — чистый лист бумаги» и т. д. и т. п. Установки на планомерное развитие предлагалось отбросить как консервативные, заменив их принципом «активного равновесия», согласно которому возникновение диспропорций возводилось в закон развития экономики. На второй сессии VIII съезда КПК в мае 1958 г. маоистскому руководству удалось на-

вязать КПК в качестве новой генеральной линии свой лозунг: «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм больше, быстрее, лучше и экономнее» (стр. 309). Центральным пунктом этой новой линии был вопрос о темпах социальных преобразований и строительства экономики. Установки Мао Цзэ-дуна «упорно бороться три года и добиться перемен в основном облике большинства районов страны» и «несколько лет упорного труда, потом — вечное блаженство» были рассчитаны на психологию огромных масс непролетарских слоев населения Китая, ставили целью вызвать трудовой энтузиазм, подготовить обстановку для отмены оплаты по труду (стр. 310). Особое место в обосновании новой линии занимали авангардистские, по своей сути националистические установки. Существо маоцзэдуновского плана «большого скачка» сводилось к тому, чтобы путем резкого увеличения доли неквалифицированного труда, «простыми методами» добиваться увеличения количества зерна и стали, к производству которых, по мнению Мао Цзэ-дуна, сводились все проблемы развития промышленности и сельского хозяйства.

Новый курс КПК стал открыто противопоставляться опыту социалистического строительства в СССР и других социалистических странах. В КНР активно пропагандировался тезис, что есть социалистические страны, «засидевшиеся на этапе социализма», и есть страны, «быстрыми шагами идущие вперед» (стр. 313). Рекламируемый Мао Цзэ-дуном собственный путь Китая сводился к превращению всей страны в одну большую военизированную коммуну, в которой повсюду — в городе и деревне, в партии, государственном аппарате и армии — осуществляется система натурального, уравнительного снабжения продовольствием, одеждой на уровне удовлетворения элементарных потребностей. В таком «равенстве» Мао Цзэ-дун видел ключ к достижению в ближайшем будущем изобилия продуктов и в целом переход к коммунизму. В основе предлагавшейся Мао Цзэ-дуном схемы организации китайского общества лежало противопоставление деревни городу, апология «деревенского стиля» и «партизанских привычек». Одновременно Мао Цзэ-дун выдвинул «новую установку» в вопросах внешней политики, означавшую отход от согласованной линии международного коммунистического движения. Он открыто ратовал за нагнетание напряженности в международных отношениях, утверждая, что «напряженность выгодна нам и менее выгодна Западу» (стр. 317).

Под лозунгом «трех красных знамен» (генеральная линия, «большой скачок» и народные коммуны) в течение нескольких месяцев по всей стране была проведена сплошная «коммунизация» деревни. 740 тыс. кооперативов было преобразовано в 26 тыс. коммун, которые по земельной площади и числу рабочих рук в 20—30 раз превосходили прежние кооперативы (там же). Ликвидация единого планового начала, дезориентация в центре и на местах относительно реальных возможностей страны привели к тому, что расходование ресурсов и строительство в различных областях полностью вышли из-под контроля не только центральных, но и местных органов власти. «Большой скачок» охватил и сферу культуры, науки и образования. Эти шаги неумолимо вели к полной дезорганизации народного хозяйства страны. Мероприятием, ускорившим этот процесс, явилась развернутая по инициативе Мао Цзэ-дуна в сентябре — декабре 1958 г. массовая кампания за выплавку стали кустарным способом. Около 90 млн. рабочих рук, главным образом крестьянских, были оторваны от своих занятий и под лозунгом «всеобщей битвы за сталь» брошены на экономически бессмысленную затею (стр. 319).

Уже к осени 1958 г. в стране усилились диспропорции, возрос удельный вес незавершенной и некомплектной продукции в общем объеме производства. В результате штурмовых методов, отказа от технологиче-

ских норм, работы без ремонта, «на износ» резко увеличились брак и аварии. На происходившем в августе 1959 г. пленуме ЦК КПК отдельными китайскими руководителями были подвергнуты резкой критике тяжелые последствия «большого скачка» для народного хозяйства. Мао Цзэ-дуну, однако, на пленуме удалось одержать верх и добиться снятия с руководящих постов видных партийных и государственных деятелей, критиковавших его политику, — министра обороны Пэн Дэ-хуая, заместителя министра иностранных дел Чжан Вэнь-тяня, начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Хуан Кэ-чэна и ряда других лиц. Рассчитывая заглушить разраставшееся недовольство результатами политики «большого скачка», маоисты после пленума развернули борьбу против «правых» в партии. С этой целью, а также в расчете на преодоление на националистической основе наметившегося раскола в руководстве было решено прибегнуть к искусственному обострению международной обстановки. Сразу же после VIII пленума, в августе — сентябре 1959 г., руководство КПК пошло на организацию острых конфликтов на китайско-индийской границе.

«Коммунизация» и «большой скачок» привели народное хозяйство Китая на грань катастрофы. Сбор зерна сократился до 168 млн. т, то есть был значительно ниже уровня 1957 года. Упали дисциплина и производительность труда крестьян. В 1960 г. сбор зерна снизился до уровня 1954 г., составив около 160 млн. т (стр. 328). «Большой скачок» привел КНР к глубокому экономическому и политическому кризису. В этой обстановке даже наиболее упорные сторонники «скачка» осознали, что необходимо принятие чрезвычайных мер для изменения создавшегося положения. На IX пленуме ЦК КПК в январе 1961 г. были приняты меры по урегулированию народного хозяйства и ликвидации последствий «большого скачка». Ценой больших усилий и затрат к концу 1962 г., последнего года второй пятилетки, сорванной «большим скачком», удалось добиться остановки дальнейшего спада производства.

Волна недовольства и критических выступлений, охватившая многие партийные организации в 1961—1962 гг., привела Мао Цзэ-дуна и его группу к выводу, что дальнейшее развитие этих процессов несет в себе прямую угрозу их положению в партии и стране. Мао Цзэ-дун готовился к новому вмешательству в определение курса КНР, прежде всего путем усиления своего контроля над армией. После назначения Линь Бяо на пост министра обороны КНР Мао Цзэ-дун начал чистку и идеологическую обработку Народно-освободительной армии. Другим средством сохранения и упрочения своей позиции он и его сторонники стремились сделать «особый» курс КНР во внешней политике. Уже в конце 1959 — начале 1960 г. они выступили инициаторами и проводниками националистического поворота в политике КПК и КНР на международной арене, стали сознательно провоцировать столкновения с социалистическими странами и марксистско-ленинскими партиями, начали свертывать межпартийные и межгосударственные отношения с ними, прежде всего форсируя ухудшение отношений с КПСС и Советским Союзом.

В июле 1960 г. китайские власти стали провоцировать инциденты на китайско-советской границе. Одновременно, готовясь свалить вину за провал «большого скачка» на Советский Союз, руководство КНР сознательно пошло к тому, чтобы поставить Советское правительство перед необходимостью отозвать из КНР советских специалистов. Китайские власти начали обработку советских специалистов в духе своих «особых» установок, создали вокруг советских людей, работавших в Китае, обстановку слежки и подозрений. В августе 1960 г. большинство советских специалистов (в это время в КНР работало около 1 600 человек) выехало на родину (стр. 338—339). Курс маоистов на усиление борьбы против «современного ревизионизма», против Советского Союза

и других социалистических стран имел ясно выраженный внутривнутриполитический аспект. Чтобы «увязать» кампанию против «современного ревизионизма» на мировой арене с борьбой против противников своего курса внутри страны, Мао Цзэ-дун предложил сторонников опыта передовых социалистических стран, сторонников единства с СССР называть «агентами современного ревизионизма» (стр. 344).

По мере завершения «урегулирования» экономики и преодоления пагубных последствий «большого скачка» Мао Цзэ-дун и его группа начали все более открыто вмешиваться в определение дальнейшего курса развития страны, подводить под свою особую схему социально-экономическую и политическую перестройку китайского общества. С 1963 г. стали пропагандироваться в качестве всеобщего образца, которому должны следовать все крестьяне страны, принципы организации производственной бригады Дачжай, созданной в гористой местности уезда Сиян провинции Шаньси. Дачжай представлялся как опыт ведения хозяйства по принципу «опоры на собственные силы», как хозяйство, которое без помощи государства проводит трудоемкие работы по увеличению пахотных площадей, ищет средства для производства и приобретения сельскохозяйственных орудий, обеспечивает себя минимумом необходимых товаров широкого потребления и при этом непрерывно увеличивает производство и сдачу продукции государству. Главным стимулом упорного труда тружеников Дачжая в маоистской пропаганде объявлялся революционный энтузиазм, отказ от применения принципа материальной заинтересованности.

В качестве образца организации промышленности Мао Цзэ-дун и его сторонники с 1964 г. начали широко пропагандировать пример Дацина — комплекса нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий на северо-востоке страны. Идеализированное маоистами изображение организации производства и быта в Дацине было объявлено образцом предприятий китайского типа, открывающим путь к индустриализации Китая в «опоре на собственные силы». При пропаганде опыта Дацина подчеркивалось, что основные бытовые нужды, а также значительная часть снабжения продовольствием обеспечиваются собственными силами на основе занятия членов семей рабочих и самих рабочих в свободное от основной работы время возделыванием полей и огородов, путем строительства своими силами мелких предприятий, школ и культурно-бытовых учреждений. Это называлось строительством по принципу «сочетания города и деревни, промышленности и сельского хозяйства» и объявлялось путем к преодолению различий между городом и деревней, к стиранию граней между рабочим классом и крестьянством. Особое внимание обращалось на широкое внедрение военизации и на отказ от использования методов материального стимулирования.

Чтобы подготовить партию к широкому претворению в жизнь своей схемы, в 1963—1965 гг. маоисты развернули серию массово-политических кампаний под лозунгами изучения «идей Мао Цзэ-дуна», в ходе которых в сознание трудящихся внедрялась необходимость беспрекословно и бездумно следовать установкам «вождя» (стать послушным «нержавеющим винтиком председателя Мао»). Параллельно с насаждением культа Мао Цзэ-дуна с 1963 г. развертывалась пропаганда всеобщей военизации. Одновременно в 1963—1965 гг. Мао Цзэ-дун и его сторонники начали прямое наступление на партию, на основные принципы ее деятельности. С сентября 1962-го до августа 1966 г. не сошлись пленумы ЦК КПК. В то же время Мао Цзэ-дун начал кампанию массовых чисток партии, проводимых под названием «движение за социалистическое воспитание». По проекту Мао Цзэ-дуна для проведения чисток среди кадровых работников в деревне следовало повсеместно создавать «организации бедняков и низших середняков», кото-

рые наделялись правами контроля за деятельностью органов коммун и бригад. Направляемые из центра «рабочие группы», включавшие работников партийных органов, органов безопасности, суда и прокуратуры, опираясь на эти организации, должны были выявлять противников «идей Мао Цзэ-дуна». Таким образом, указывают авторы книги, на 14-м году народной власти «Мао Цзэ-дун делал ставку на политический раскол в среде крестьянства, рассматривая беднейшие слои деревни с их стихийной тягой к грубой уравнительности в качестве источника маоистских кадров, а давление этих слоев — как рычаг для навязывания своих военно-казарменных схем» (стр. 360).

К 1965 г. в руководящих органах КНР и КПК практически сложились две группировки, два центра, отношения между которыми становились все более напряженными. Мао Цзэ-дун активно готовился к столкновению с группой Лю Шао-ци, опираясь на армию. В мае 1965 г. в НОА были отменены воинские звания, что усилило личную зависимость офицерского корпуса от Военного совета ЦК КПК, во главе которого стояли Мао Цзэ-дун и Линь Бяо. В китайской печати с 1965 г. все чаще стали появляться заявления об армии как основной опоре диктатуры пролетариата, как о ее наиболее послушном оружии. Столкновения в руководстве КНР в 1964—1965 гг. по различным вопросам политики все более явственно начали принимать форму борьбы за личный контроль над важнейшими звеньями партийно-политического аппарата. Потерпев неудачу в попытках сколотить прокитайский блок в рамках социалистического лагеря, маоисты в 1963—1965 гг. главную ставку сделали на использование национально-освободительного движения и на сближение с рядом капиталистических стран, особенно с Японией.

В концентрированной форме маоистская политика использования в шовинистических целях национально-освободительного движения под видом теории «народной войны» — вооруженной борьбы «мировой деревни» против «мирового города» — была изложена в сентябре 1965 г. в статье Линь Бяо «Да здравствует победа народной войны!». Для привлечения лидеров националистических организаций различного толка использовались заявления «об особой общности судеб» Китая и стран «третьего мира» и даже расистские, по сути дела, заявления о «различии интересов» народов белых и «цветных», богатых и бедных, Запада и Востока. Особо важное место в маоистских планах завоевания гегемонии в «третьем мире» отводилось созданию под эгидой Пекина блока государств Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, основой которого предполагалось сделать «ось» Пекин — Джакарта. Рассчитывая на дальнейшее усиление своего влияния на тогдашнего президента Индонезии Сукарно и на политический курс Индонезии, Пекин подталкивал связанные с ним силы на совершение верхушечного переворота. Эта авантюристическая тактика привела к путчу 30 сентября 1965 г., результатом которого было тяжелое поражение компартии и демократических сил Индонезии.

Чтобы расширить политические основы для сближения между КНР и Японией, Мао Цзэ-дун в июле 1964 г., заявив о территориальных притязаниях в отношении Советского Союза, по существу, предложил правящим кругам Японии блок на основе совместных территориальных притязаний к СССР. Нападки на политику КПСС и других марксистско-ленинских партий были тесно связаны и с развитием борьбы в руководстве КПК. Объявление методов строительства в СССР и других социалистических странах «ревизионистскими» и т. п. использовалось внутри КНР для закрепления и пропаганды маоистских установок, для объявления всякого отхода от этих установок «ревизионизмом». Маоисты летом 1964 г. объявили, что в СССР и других социалистических странах якобы уже произошла «реставрация капитализма». Одновременно маоисты систематически организовывали провокации на со-

ветско-китайской границе и к 1966 г. практически полностью свернули экономические и другие формы связей с Советским Союзом.

«Урегулирование» не могло целиком восполнить того урона, который причинил экономике Китая «большой скачок»; по-прежнему не были решены многие коренные задачи строительства социализма в Китае, намеченные генеральной линией, в первую очередь задачи индустриализации страны и создания прочной материально-технической базы сельского хозяйства. Нерешенными остались многие социальные проблемы Китая. По-прежнему остро стояли вопросы подъема материального положения бедняцкой части деревни. В результате «скачка» в КНР не был осуществлен план введения всеобщего и бесплатного начального образования для широких слоев населения. В городе и деревне были характерны настроения разочарования, вызывавшиеся контрастом между надеждами и обещаниями 50-х годов и реальными итогами первой половины 60-х годов.

Важнейшей тенденцией во внутривластной жизни КПК был рост числа коммунистов, кадровых работников партии, осознавших пагубность маоистских установок и стремившихся выработать новый курс на путях возвращения к генеральной линии партии 50-х годов, на путях изучения и применения опыта социалистических стран. Серьезные разногласия в руководстве КПК вызвал также в 1965 г. кризис внешней политики Мао Цзэ-дуна. Часть руководителей — Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин и другие — стала склоняться к поддержке предложений Советского Союза о единстве действий в борьбе против агрессии США во Вьетнаме.

Неудачные попытки Мао Цзэ-дуна и его сторонников поставить партию под свой жесткий контроль привели к усилению борьбы в руководстве КПК по вопросам внутренней и внешней политики, в условиях которой вызревал маоистский замысел «культурной революции». Цели задуманной Мао Цзэ-дуном и его сообщниками так называемой культурной революции заключались в том, чтобы устранить из руководящих органов партии всех несогласных с политикой Мао Цзэ-дуна, прежде всего сторонников решений VIII съезда КПК, насильственно насадить «маоцзэдуновские идеи», превратить партию, армию и все звенья государственного аппарата в орудие режима личной власти и осуществления великодержавного, гегемонистского курса.

Мао Цзэ-дун стремился к распространению военных форм организации на все сферы деятельности китайского общества, на все слои населения. Навязываемая Мао Цзэ-дуном партии антимарксистская концепция «казарменного коммунизма» выражалась в призывах: «в промышленности учиться у дацинских нефтяников, в сельском хозяйстве — у дачжайской производственной бригады», «всей стране учиться у Народно-освободительной армии», «усилить идейно-политическую работу, подготовку на случай войны и стихийных бедствий» и т. д. (стр. 380). Таким образом, в политическом и идеологическом плане одна из целей «культурной революции» заключалась в стремлении навязать партии и народу свою схему развития Китая.

Авторы книги детально анализируют документы XI пленума ЦК КПК, состоявшегося с 1 по 12 августа 1966 г., который проходил без участия многих членов ЦК, уже ставших жертвами маоистско-хунвэйбиновских преследований. Пленум провозгласил «идеи Мао Цзэ-дуна» основой деятельности всей партии. Это была ревизия принятого на VIII съезде партии устава КПК, который утвердил марксизм-ленинизм в качестве теоретической основы партии. На XI пленуме Мао Цзэ-дун и его сторонники узаконили от имени ЦК КПК широкое наступление на партию под флагом «культурной революции».

Вскоре после пленума «группа по делам культурной революции при ЦК КПК», возглавляемая бывшим личным секретарем Мао Цзэ-дуна

Чэнь Бо-да и женой Мао Цзэ-дуна Цзян Цин, была наделена чрезвычайными полномочиями. ЦК КПК как высший руководящий орган практически перестал существовать. Сразу же после пленума группа Мао Цзэ-дуна провела смотр своих ударных штурмовых отрядов. С 18 августа по 26 ноября 1966 г. в Пекине было проведено 8 митингов, на которых присутствовало в общей сложности до 13 млн. хунвэйбинов, приехавших со всех концов страны. На митингах выступали Мао Цзэ-дун, Линь Бяо и др., называвшие хунвэйбинов авангардом «культурной революции». С января 1967 г. Мао Цзэ-дун и его сторонники перевели «культурную революцию» в новую фазу, на этап так называемого «захвата власти», во время которого предстояло завершить разгром руководящих партийных органов в центре и на местах, народных комитетов, конституционных органов власти, массовых организаций трудящихся — профсоюзов и создать новые маоистские органы власти. В мае 1966 г. маоистам удалось на промышленных предприятиях создать организации цзаофаней (бунтовщиков). В них вошли служащие, малоквалифицированные рабочие, ученики и так называемые «и рабочие, и крестьяне». Искусно пользуясь демагогией, маоисты сумели политически расколоть китайских трудящихся, привлечь в ряды цзаофаней наиболее отсталые слои, под вывеской борьбы с так называемым экономизмом разгромить профсоюзы, отстаивавшие права рабочих. План Мао Цзэ-дуна заключался в создании новой политической структуры общества, при которой вся страна была бы сцементирована в единый монолит шовинистической, великоханьской идеей борьбы за превращение Китая в особую мировую державу, противостоящую двум лагерям современности и прежде всего возглавляющим эти два лагеря Советскому Союзу и США, которые маоистская пропаганда впоследствии стала называть «сверхдержавами».

В конце января 1967 г. маоисты выдвинули задачу создания временных органов власти, названных «ревкомками». Маоисты включили в их состав представителей «революционных массовых организаций», военнослужащих и руководящих работников местных партийных и административных учреждений. По замыслу и терминологии маоистов «ревкомки» должны были стать «соединением трех сторон». Опираясь на «ревкомки», Мао Цзэ-дун намеревался вести длительную борьбу со всеми своими противниками в партии, армии и массовых организациях. Сформулированные в самом общем виде установки на «соединение трех сторон» дали Мао Цзэ-дуну и его сторонникам широкий простор для политического маневрирования, балансирования различными силами, столкновения их друг с другом и ослабления главных противников в определенные моменты «культурной революции». Создание новых маоистских органов власти — «ревкомов» проходило в острейшей борьбе. В октябре 1967 г. Мао Цзэ-дун дал указание вплотную приступить к реорганизации партии, начать массовую чистку Компартии Китая. Основные моменты маоистского плана реорганизации партии состояли в пересмотре программы и устава партии, принятых VIII съездом КПК, в подмене марксизма-ленинизма как теоретической основы КПК «идеями Мао Цзэ-дуна». С этой целью было принято решение созвать столь долго откладывавшийся съезд КПК.

С 1 по 24 апреля 1969 г. в Пекине состоялся IX съезд КПК. Участники съезда не избирались, а были отобраны руководящей верхушкой. В докладе, который сделал на съезде Линь Бяо, был выдвинут тезис, что маоизм является якобы новым, высшим этапом развития марксизма-ленинизма. «Идеи» и практика Мао Цзэ-дуна противопоставлялись всему историческому опыту международного коммунистического движения. Внедрение «идей Мао Цзэ-дуна» в качестве теоретической основы партии было объявлено в докладе самым крупным достижением «культурной революции». Съезд не выработал никакой конкретной програм-

мы социально-экономического развития Китая. В то же время съезд провозгласил курс на подготовку к войне как долговременную программу партии и всего народа. Одна из главных задач доклада Линь Бяо заключалась в доказательстве тезиса о неизбежности и даже желательности новой мировой войны. Съезд принял новый устав КПК, который официально закрепил «идеи Мао Цзэ-дуна» в качестве программных и организационных установок партии. Новый ЦК КПК, образованный на IX съезде, включал из прежнего состава ЦК лишь 53 человека (менее 20%). Из состава ЦК КПК было исключено много деятелей, занимавших высокие посты в партии, бывших руководителей территориальных бюро ЦК КПК, большинство секретарей провинциальных комитетов партии. Военные составили почти половину состава нового ЦК и Политбюро ЦК. В то же время в огромном ЦК (279 человек) нашлось место всего для 20 представителей рабочих и 16 крестьян, что лишний раз подчеркивает демагогический характер заявлений маоистов о диктатуре пролетариата в Китае (стр. 410).

IX съезд оправдал и узаконил разгром в ходе «культурной революции» руководящих органов партии и народной власти, отстранение от руководства страной представителей интернационалистического направления в партии и других групп, выступавших против курса Мао Цзэ-дуна. Съезд утвердил в качестве идейных, теоретических и организационных основ партии маоизм, враждебную марксизму-ленинизму милитаристскую, реакционную политическую доктрину Мао Цзэ-дуна. Борьба с Советским Союзом была провозглашена в качестве одной из коренных задач китайского государства. (Накануне съезда, в марте 1969 г., маоистами была организована вооруженная антисоветская провокация на советско-китайской границе в районе острова Даманский.)

Антисоветизм группы Мао преследовал, кроме всего прочего, цель убедить империалистические державы в полном разрыве Китая с Советским Союзом и тем самым открыть путь для сближения Китая с США, Японией, ФРГ, Англией и другими странами Запада, для установления широких контактов с ними по линии экономических и межгосударственных связей с целью получения от них кредитов, машин, оборудования, научно-технической помощи для повышения военного потенциала КНР. На сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1971 г. делегация США, до этого на протяжении 20 лет упорно противодействовавшая восстановлению законных прав Китая в ООН, поддержала резолюцию о принятии КНР в ООН. В целом внешнеполитический курс Пекина в начале 70-х годов еще раз подтвердил правильность оценки, данной в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г.: «...внешняя политика Китая фактически порвала с пролетарским интернационализмом, утратила классовое социалистическое содержание»³.

IX съезд КПК не привел к преодолению острых кризисов в китайском руководстве. С 1964 г. не собирается высший законодательный орган страны — Всекитайское собрание народных представителей, нарушаются конституция и законы страны. В начале 1971 г. с политической арены исчез бывший глава «группы по делам культурной революции при ЦК КПК» Чэнь Бо-да; в сентябре 1971 г. был устранен министр обороны Линь Бяо, официально объявленный IX съездом КПК «преемником» Мао Цзэ-дуна, и вместе с ним группа членов ЦК КПК — высших военачальников. Для преодоления дальнейшего раскола в руководстве группировка Мао Цзэ-дуна еще более усилила спекуляции на националистических чувствах, пытаясь использовать участие КНР в

³ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М. 1969, стр. 71.

ООН и дипломатическое признание КНР западными державами для новой волны антисоветизма.

Авторы заканчивают книгу ссылкой на Резолюцию XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу ЦК КПСС, выражающую принципиальную позицию КПСС и всего советского народа в отношении КНР и политики маоистов. Съезд указал, что «в условиях, когда китайские руководители выступают со своей особой, несовместимой с ленинизмом идейно-политической платформой, направленной на борьбу против социалистических стран, на раскол международного коммунистического и всего антиимпериалистического движения», единственно правильной позицией является позиция «последовательного отстаивания принципов марксизма-ленинизма, всемерного укрепления единства мирового коммунистического движения, защиты интересов социалистической Родины»⁴. Продолжая принципиальную борьбу против антиленинской идеологии и практики маоистов, КПСС и Советское правительство, подчеркнул XXIV съезд, выступают в то же время за нормализацию отношений между СССР и КНР, за восстановление добрососедских отношений и дружбы между советским и китайским народами. «Улучшение отношений между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой,— говорится в Резолюции XXIV съезда КПСС,— отвечало бы коренным, долговременным интересам обеих стран, интересам мирового социализма, интересам усиления борьбы против империализма»⁵.

Среди проблем, еще далеко не достаточно исследованных во второй части «Новейшей истории Китая», можно назвать вопрос о влиянии деформированной маоистами надстройки китайского общества на ее базис, на заложенные в годы первой и частично второй пятилеток основы строительства социализма. «Диктатура пролетариата,— писал В. И. Ленин,— есть единственный шаг к равенству и демократии на деле, не на бумаге, а в жизни, не в политической фразе, а в экономической действительности»⁶. Государственная и кооперативная формы собственности лишь создают объективные возможности для того, чтобы Китай при соответствующих условиях развивался по социалистическому пути, а эти условия связаны в первую очередь с характером политической надстройки, существенно деформированной в Китае за последние годы в связи с отстранением рабочего класса от руководства обществом.

В. И. Ленин обращал внимание зарубежных коммунистов на то, что «классовая борьба пролетариата за сочувствие, за поддержку большинства трудящихся не оканчивается завоеванием политической власти пролетариатом. После завоевания власти эта борьба *продолжается* только в *иных* формах»⁷. В Китае в настоящее время как раз и происходит эта борьба, причем создалась угроза утраты руководящей роли рабочего класса в руководстве страной, разрыва союза рабочего класса и крестьянства. Мао Цзэ-дун пытается противопоставить люмпенские, пауперизированные слои китайского крестьянства рабочему классу, подменить научный социализм, марксизм-ленинизм своей утопической народническо-гоминьдановского толка концепцией «социалистического» развития, повести страну по пути «казарменного коммунизма», создания военизированных, самообеспечивающихся сельских и городских коммун, сочетающих в себе сельское хозяйство, кустарную и современную промышленность, выполняющих одновременно функции органов власти, суда, образования, здравоохранения и культуры.

⁴ «Материалы XXIV съезда КПСС». М. 1971, стр. 192.

⁵ Там же.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 217.

⁷ Там же, стр. 220.

Народничество в Китае, о котором писал В. И. Ленин еще в 1912 г., характеризуя негативные стороны в идеологии китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена⁸, никогда не было подвергнуто решительной, всесторонней научной критике со стороны Коммунистической партии Китая, многие руководители которой, выходцы из крестьянской среды, в том числе и сам Мао Цзэ-дун, являлись в свое время сподвижниками Сунь Ят-сена и были серьезно заражены его народническими воззрениями. Нарушение общих закономерностей, присущих социалистической общественной системе, проявляется и в области внешней политики КНР. Не случайно, видимо, китайские представители за последние годы на всех международных конференциях официально зачисляют свою страну уже не в разряд социалистических, а в группу «развивающихся» стран. Официальный отказ китайских руководителей от соблюдения принципов пролетарского интернационализма в отношениях КНР с социалистическими странами и введение в общение между КНР и социалистическими странами «пяти принципов мирного сосуществования», распространенных между странами с различным общественно-политическим строем,— еще одно подтверждение отхода руководства КНР от социалистических принципов внешней политики.

Правомерна в этой связи постановка вопроса об антисоциалистическом, враждебном воздействии, оказываемом группой Мао Цзэ-дуна не только на судьбы социалистического базиса в Китае, но и на всю мировую систему социализма в целом, об объективном пособничестве современных китайских руководителей мировому империализму.

В ряде книг и статей, опубликованных в СССР за последние годы⁹, содержатся научно обоснованные оценки тех последствий, которые маоизм оказывает на базисные явления в Китае. При дальнейшем изучении новейшей истории Китая следует исходить из этих оценок, привлекая новые конкретные китайские материалы, сравнивая теорию и практику маоистов в экономической области с теорией и политической гоминьдана, с концепциями древнекитайской политико-экономической философии «фацзя» («лэйистов»), с воззрениями современных зарубежных теоретиков мелкобуржуазного утопического социализма, показывать эклектическую основу маоизма.

Во второй части книги, как и в первой, не показано воздействие на политику руководства КНР традиций старого, феодального Китая (милитаризм, монархические настроения широких масс крестьянства, влияние традиционных тайных обществ или религиозных сект, «дворцовых интриг» и вмешательства жен видных государственных деятелей в политику и т. д. и т. п.).

Во второй части книги имеются и отдельные неточности и неудачные формулировки. Так, явно необоснованно название главы VI «Переход Китая на путь социалистического развития (1949—1957 гг.)». Сами авторы указывают, что переход Китая на этот путь начался лишь в 1953 г. и что до этого имел место восстановительный период; истории этого периода (1949—1952 гг.) следовало бы посвятить специальную главу. Нельзя признать удачным и наименование главы VII — «Годы «большого скачка» и ликвидации его последствий (1958—1960)», ибо ликвидация пагубных последствий «большого скачка» не была завершена, не была, в частности, осуждена субъективистская, волюнтаристская теория скачкообразного развития, выдвинутая Мао Цзэ-дуном. Неправомерным является также отнесение видного китайского партий-

⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 21, стр. 401—406.

⁹ И. А. Александров, П. Н. Федосеев. Лозунги и дела китайского руководства. Об идейно-политической сущности маоизма. М. 1971; К. Катусhev. Мировая система социализма. Главные тенденции развития. «Коммунист», 1972, № 5; А. М. Румянцев. Истоки и эволюция «идей Мао Цзэ-дуна». М. 1972.

ного, государственного и военного деятеля Кэ Цин-ши, неуклонно стоявшего на интернационалистических позициях, большого друга Советского Союза, к числу «сторонников установок Мао» (стр. 361).

Ряд других авторских предположений и догадок, относящихся к вопросам внутрипартийной борьбы, не подтверждается ими какой-либо документацией (стр. 325—326, 374 и др.). В серьезной работе такого рода предположения должны быть аргументированы.

Отдельные неточности и упущения, однако, не снижают общей высокой оценки «Новейшей истории Китая». Книга написана с подлинно интернационалистических позиций, проникнута чувствами глубокой симпатии и дружбы к китайскому народу и другим народам, населяющим Китайскую Народную Республику. Авторы на множестве конкретных примеров показывают исключительное трудолюбие китайского народа, его самоотверженное стремление к борьбе за благо, счастье и процветание своей родины. Революционный энтузиазм трудящихся масс Китая и их верность идеалам строительства нового, социалистического общества не раз спасали КНР от катастрофы, к которой ее вели субъективистские, авантюристические лозунги и «теории» Мао Цзэ-дуна. На страницах книги называются имена многих выдающихся китайских руководителей коммунистического, профсоюзного, молодежного и демократического движений, выдающихся полководцев, деятелей культуры, науки и искусства, умышленно предаваемых ныне забвению в КНР, где все успехи и победы, одержанные народом в его длительной борьбе за освобождение и за переход к социалистическому строительству, искусственно связываются лишь с именем Мао Цзэ-дуна.

В книге убедительно раскрыта дружественная, добрососедская политика Советского Союза в отношении Китая, поддержка КНР со стороны стран всего социалистического содружества. Хорошо освещена роль Коммунистического Интернационала — авангарда международного рабочего класса — в оказании помощи КПК и в направлении ее революционной деятельности. В книге показано, что «культурная революция» задержала решение острейших социально-экономических проблем страны, что в КНР были израсходованы и продолжают тратиться огромные материальные и людские ресурсы на развитие ракетно-ядерной программы в ущерб благосостоянию трудящихся масс страны.

Разоблачая антисоциалистическую внутреннюю политику маоистов и их бредовые, гегемонистские великоханьские планы в области международных отношений, книга призывает к бдительности, к защите интересов мирового социализма, к неуклонной борьбе за чистоту марксистско-ленинской теории. Вместе с тем авторы проявляют достаточно полное понимание тех объективных трудностей, с которыми столкнулись Китай и КПК в деле социалистического строительства, трудностей, порожденных огромными масштабами страны, отсталостью ее народного хозяйства, засильем феодальных и мелкобуржуазных пережитков и глубоко укоренившейся в сознании не только широких крестьянских масс, но и ряда руководителей КПК великоханьской, националистической идеологии.

В то же время «Новейшая история Китая» — первый опыт написания такого рода книги; ввиду отсутствия достаточного числа монографических исследований по отдельным наиболее важным проблемам и периодам новейшей истории Китая целесообразно рассматривать данную работу лишь в качестве очерка новейшей истории Китая (к тому же далеко не все события и процессы, упомянутые в книге, уже стали достоянием истории).

В процессе работы над книгой авторам пришлось преодолеть большие трудности в связи с крайне узкой источниковедческой базой для исследования новейшей истории Китая, особенно последнего 15-летнего периода. С начала 60-х годов в КНР полностью прекратился вы-

пуск журналов и книг по вопросам истории, экономики и политики. Китайская печать давно уже не публикует каких-либо официальных правительственных или партийных документов, решений пленумов и совещаний ЦК КПК. Массовая литература в виде газет, листовок и брошюр периода «культурной революции», выпускавшаяся хунвэйбинами и цзаофанями, базировавшаяся зачастую на сознательной утечке информации из секретариата ЦК КПК, Государственного Совета, МИД и других ведомств КНР, хотя и проливает определенный свет на ряд злободневных вопросов новейшей истории Китая, тем не менее ввиду многочисленных противоборствовавших течений в среде хунвэйбинов и цзаофаней и среди их высоких покровителей не может рассматриваться в качестве неоспоримого источника (эту литературу, однако, нельзя сбрасывать со счетов при изучении последнего периода истории КНР; более того, ее следует тщательно собирать, изучать и привлекать для воссоздания общей картины событий в Китае).

В капиталистических странах, в частности в США, за последние годы вышел ряд книг антикоммунистически настроенных авторов (А. Уайтинг, С. Шрам, Б. Шварц, Г. Хинтон и др.), преднамеренно извращающих историю КПК, отношения КПК и Коминтерна, историю советско-китайских отношений.

Тем ответственнее задачи историков-марксистов, долг которых — создать глубокие монографические исследования и обобщающие работы по новейшей истории Китая. За последнее время у нас появился ряд обстоятельных и хорошо документированных исследований по истории внешней политики КНР¹⁰, советско-китайских отношений¹¹, революции 1925—1927 гг.¹², войны Китая с Японией 1937—1945 гг.¹³, истории идеологической борьбы в новейшее время¹⁴, отдельных аспектов политики КПК и гоминьдана¹⁵, свидетельствующих об успешной и плодотворной работе советских ученых над отдельными проблемами новейшей истории Китая. Приветствуя выход в свет «Новейшей истории Китая», читатели в то же время вправе ожидать от ее авторов и глубоких, обстоятельных монографий, которые явятся прочной основой для последующих дополненных и углубленных переизданий их весьма нужного, злободневного труда.

¹⁰ М. С. Капица. КНР: два десятилетия — две политики. М. 1969; «Внешняя политика КНР». О сущности внешнеполитического курса современного китайского руководства. М. 1971; С. Г. Юрков. Пекин: новая политика? М. 1972.

¹¹ О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. 1945—1970. Краткий очерк. М. 1971.

¹² М. Ф. Юрьев. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М. 1968.

¹³ М. Ф. Сапожников. Китайский фронт во второй мировой войне. М. 1971.

¹⁴ М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. М. 1969; Л. С. Кюзаджан. Идеологические кампании в КНР (1949—1966). М. 1970.

¹⁵ Л. П. Дедюсин. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921—1928 гг.). М. 1972; А. В. Меликсетов. Бюрократический капитал в Китае (экономическая политика гоминьдана и развитие государственного капитализма в 1927—1937 гг.). М. 1972.